

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хуберт Ильвес

ДЕСКВАМАЦИЯ

Хуберт Ильвес

Десквация

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ильвес Х. А.

Десквамация / Х. А. Ильвес — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9306-5

Книга с острым сюжетом в детективном жанре, с философской основой борьбы добра со злом, яркими персонажами, наполненная событиями с неожиданными поворотами и интересной развязкой. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9306-5

© Ильвес Х. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

*Если Вы заметили кожу змеи – опасайтесь!
Хозяйка может быть рядом...*

Глава 1

Все просто так, ничего нет и не имеет особого смысла. Все что мы идеализируем, ценим, о чем мечтаем – обычная пыль, брошенная в глаза обществу, с целью выглядеть лучше, значимей, успешнее. Все эти правила установлены не нами, но мы их приняли, а значит согласились с их условиями, применили в своей жизни и пытаемся сделать вид, что вполне счастливы. А так ли это на самом деле? Не проводим ли мы большую часть жизни в поисках ложного смысла? А когда наступает время опомниться, уже что-то менять поздно, да и не возможно ничего изменить, так как этот нарост из ненужности, спрессованный годами и десятилетиями, стал грузом от которого не так и просто избавиться и его нужно нести и если представить людей идущих по оживленной улице со всем тем, что они тянут в своей жизни, получится печальная картина – суровой действительности, мы ни чем не лучше выючных животных, только в отличии от них всё это мы переносим по своей воле и не можем найти возможность облегчить свою участь.

Пришло время размышлений, никаких нравоучений и чтения морали, пришло главное время обратиться к себе, разобраться в себе, найти наконец главное и сосредоточиться на этом, конечно я не чистый лист, а вполне заполненный, местами перечеркнутый, со множественством ошибок и исправлений, но места еще достаточно, есть то что не написано и это будущее, возможно подвести черту, мне дано такое право – пойти путём перемен...

Разыскное дело открыто, вновь пропал человек, просто взял и выпал из своей повседневной жизни дел, обязательств, рутины и суеты. Судя по записке это его выбор, он не жертва несчастного случая, его не гнал страх за жизнь и его не обременяли долговые и финансовые проблемы... он бежал от себя, все куда серьезнее с этими идеалистами. Они всегда не довольны и всегда и во всем найдут место разочарованию в жизни, они ходят годами и вынашивают план исчезновения, не представляя сколько боли и страдания приносят своим близким, какой настоящий, чистый, извращенный эгоизм: – «я меняюсь, всем спасибо!» А жена в полицию с заявлением, плачет, себе места не находит, льёт горькие слёзы, ведь это её проект, на него потрачена молодость, дети папу спрашивают, свекровь шипит: – «довела сыночка», с работы звонят, друзья интересуются и я в половину двенадцатого ночи, сижу тут на работе и пытаюсь понять мотивы этого человека. С такими мыслями Спартак Петрович принялся изучать материалы о пропавшем гражданине Сорокине Павле Михайловиче, 1975 года рождения, с высшим образованием, с вполне хорошей биографией и достойной, хорошо оплачиваемой работой. Конечно, есть надежда, что все очень просто и он сам вернётся, погуляет пару дней, одумается и поступит в родную дверь, переживёт небольшой семейный скандалчик, получит нагоняя от начальства, выдержит беседу с сотрудниками полиции и все станет как прежде. Смущала следователя именно записка, оставленная по месту проживания, подчёрк аккуратный, ровный, решительный, без намёка на нервозность, мысли ясные и чётко сформулированные, как давно подготовленные легли на бумагу, без всяких сомнений и колебаний. Набросав план оперативно-разыскных мероприятий и взглянув на часы, Табунов решил не ехать домой, а устроится в кабинете на ночёвку – им давно не интересовались, как махнули рукой, лишний раз не звонили и ничего не спрашивали, совместная жизнь напоминала проживание двух совершенно чужих людей на одной жилой площади, без яркости чувств, событий и эмоций.

– Всё просто так... – повторил фразу из записки исчезнувшего Сорокина, Табунов и уснул.

Дом был в черте города, район для любителей кусочка природы за своим забором: цветущие сады, особенный запах, тишина, нарушаемая лишь отдалённым лаем собак, немногочисленно. Особенная атмосфера, спокойствие, отсутствие шумных соседей за стенкой и городской суеты. Именно здесь на улице Солнечная и проживал гражданин Сорокин со своей семьёй,

ближайшие пять лет и до дня своего исчезновения. Спартак Петрович известил хозяйку о своем визите по телефону, стоял в ожидании, было слышно, как кто-то ходил по двору, но глухой забор закрывал обзор, спустя несколько минут калитка распахнулась, из неё появилась хозяйка и жестом пригласила войти.

Лето было в разгаре, день жаркий, не хотелось идти в стены, было бы уместно устроиться в тени деревьев и опросить пострадавшую, но нужно было больше узнать об условиях их совместной жизни, в любом расследовании нужно заглянуть гораздо дальше, чем люди готовы допустить, ведь любая мелочь может иметь значение и подсказать путь к истине. Войдя в дом, Сорокин спросил: – я осмотрюсь с Вашего позволения? И не дожидаясь одобрения, учтиво разулся и приступил к экскурсии по первому этажу. Из узкой прихожей, через широкую арку он вошел в просторную гостиную, очень светлую, с большим ковром на полу ручной работы с множеством разноцветных геометрических фигурок, некоторые из них были настолько детальными и мелкими, что оставалось только удивляться и восхищаться таланту мастера, всё говорило о достатке хозяев, помпезная, хрустальная люстра, лепнина на потолке в виде цветов и фигурок ангелов, картины на стенах с изображением природы: горное озеро, водопад, морской берег с чёткими следами босых ног на песке или осенним парком с яркой оранжевой и жёлтой листвой. Тут собрана целая коллекция разных климатических зон, взглянул и оказался совершенно в другом месте, настолько далеко, насколько позволяет человеческое воображение и время. В центре комнаты, большой дубовый стол, от него исходил запах, который отчётливо говорил, что раньше он был могучим деревом, резные ножки его были с рисунками дубовых листьев и желудей, вокруг возвышались орехового цвета спинки стульев, плотно придвинутые к громадной столешнице, в центре располагался камин, он был вычищен, рядом декоративно лежали поленья с лёгкой небрежностью. Из этой комнаты был выход на веранду, открытые двери приглашали на широкую площадку с навесом, кресло-качалка, плетённый столик и стулья, тут можно сидеть часами любуясь любимым садом и отдыхать после рабочего дня, встречать закат и рассвет или просто наслаждаться свежестью дождя не опасаясь промокнуть, через веранду можно попасть на кухню, с её необходимыми атрибутами, множеством инвентаря, чистой как в хорошем ресторане после тщательной уборки и бросающимся в глаза аккуратности хозяйки. Несомненно, чистота в этом доме на первом месте, слишком вызывающая чистота, бросающаяся в глаза, постоянно поддерживаемая и соблюдаемая, в ней не чувствуется жизнь, а только порядок вещей. Всё в этом доме музей, ни пылинки, ни паутинки, нет даже лишнего оставленного предмета одежды, забытой грязной чашки или ложки. Всё четко на своих местах. И сама она женщина красивая, одета не вызывающе, скромно, ни намёка на вульгарность или на домашнюю практичность, волосы уложены, лёгкий, почти незаметный макияж, стройная, платье ниже колен по фигуре, строгое и глаза, зеркало души с заметной грустью, предающие особенный, незабываемый образ печальной женщины. Она ходила за Табуновым молча, как тень, почти не слышно, как в ожидании вопросов и готовая на них ответить, но следовательно ничего не спрашивал, а она ничего не поясняла. Осмотрев первый этаж, по винтовой деревянной лестнице мужчина поднялся на верх, тут было царство закрытых дверей, подойдя к ближайшей, услышал голос за спиной: – Комната сына, он на учебе в институте. Опять всё образцово, он ожидал другого, молодежного стиля, плакатов рок групп, электрогитару, беспорядок, но всё идеально, ничего лишнего: заправленная кровать, полки с книгами и учебниками, письменный стол, шкаф, ничего запоминающегося, абсолютно строгий стиль и следовательно не стал детально осматривать и просто закрыл комнату. Следующей по порядку была спальня супругов, светлая, просторная, чистая, но неуютная как гостиничный номер, хоть дорогой, но без ощущения тепла родного очага: большая кровать из дерева с высокой узорной спинкой, с резным портретом девы Марии с младенцем на руках, она опустив глаза, взирала на спокойный сон своего малыша с умиротворенным выражением лица, такой рисунок настраивал позитивный лад перед сном и снимал любые неподходящие мысли, икона с Серафимом

Саровским, довольно старая и наверное дорогая и намоленная, в остальном ничего необычного, светильник у изголовья, два ночника с каждой стороны в виде гроздьев винограда, свисающих из чаши, опять ничего лишнего, на столько, что очень хотелось заглянуть в шкаф в поисках скелета. На этаже находились еще две комнаты близнецы, с одноместными кроватями, используемые как гостевые со скупым убранством без особых излишеств и кабинет хозяина, который удивил, в нём было всё иначе, чем в доме в целом, там был беспорядок, откровенный, революционный бардак, сложилось впечатление, что тут делалось всё специально, как на зло, разбросанные предметы одежды, книги, документы, пыль на полках и светильнике, в углах паутина и прокуренный спертый воздух. Табунов в недоумении оглянулся назад с вопросительным выражением лица.

– Кабинет мужа, сюда мне без особой надобности заходить запрещено, – произнесла Марина Александровна и продолжила: – однажды я навела здесь свой порядок и был большой скандал, больше я сюда не заходила, оставила его мир таким, каким он пожелал видеть, здесь он и ночевал последние годы, спускался разве, что поесть.

Спартак понял, что это то самое место, где и стоит поговорить, она не на своей территории, растеряна и потрясена увиденным не меньше гостя и это то самое время для откровений.

– Скажите, вы не замечали за супругом странности в поведении на кануне исчезновения? – без подготовки спросил Табунов.

– Смотря что называть странностями, – ответила женщина, в последнее время его поведение стало привычным, вот из этого амплуа он не выходил ни на минуту.

– Что вы имеете в виду? – заинтересовался следователь.

– Замкнутый, не общительный, часто раздражительный и вспыльчивый, он не жил с нами, а как проживал в другом течении, его не интересовали бытовые вопросы, учёба сына, мои дела. Он приезжал домой и пропадал в этой комнате, утром уезжал на работу, возвращался и опять закрывался здесь, тут он проводил выходные, встречал Новый год, поздравлял себя с Днём рождения, а потом просто взял и исчез, оставив записку на столе, машина на месте, все вещи не тронуты, даже паспорт в коробке из под сигар лежит, карточки в бумажнике, думаю у него есть наличность с собой, но не знаю какая сумма.

– А что-то предшествовало таким изменениям, в поведении, с чего же всё началось? Не может же человек взять и так извиняюсь рехнуться без всяких на то причин.

– Я и сама задавалась этим вопросом, он был совершенно другим раньше: лёгким, общительным, с прекрасным чувством юмора. Его интересовали многие вопросы, любил спорт, рыбалку, живопись, музыку, встречи с друзьями. И внезапно совершенно другой, как подменили, всё счастье семейной жизни рухнуло, и мы с сыном научились принимать всё таким как есть.

– А вы консультировались со специалистами, в области психиатрии, может это что-то прояснило?

– У меня были такие мысли, но я опасалась с ним говорить на эту тему, а без его участия в этом отношении ничего сделать невозможно, нужно вести его на приём, как-то уговорить пройти обследование и лечение.

– Расскажите мне всё подробно и с самого начала, особенно тот период, когда вы явно заметили, что человек изменился.

– Мы собирались в отпуск, много обсуждали поездку, было это несколько лет назад, рассматривали различные варианты поездки, очень хотелось к морю, в тёплые страны, остановились на Кипре, купили путёвки, билеты, собрали необходимые вещи, все в предвкушении и томительном ожидании и вдруг этот звонок с работы, был уже поздний вечер, собирались спать. Звонил его начальник, разговор был долгий и достаточно эмоциональным, возникли какие-то срочные вопросы по бизнесу, не терпящие отлагательств, в итоге в отпуск улетели мы с Никитой – это наш сын. А он остался, а спустя неделю улетел в деловую поездку в Париж.

Вернулись мы в конце августа, его ещё не было, спустя несколько дней появился Павел, но это уже был не он, изменился до неузнаваемости, похудел, лицо жёлтое, глаза пустые и безжизненные, начался настоящий ад.

– Расскажите о его работе, об отношениях с коллегами, возможных проблемах.

– Я мало, что вам могу сказать по этому поводу, эти вопросы мы никогда не обсуждали, а в последнее время, совершенно ничего не обсуждали, стали вдруг чужими. После этих слов, Марина Александровна – сдалась и дала волю эмоциям, по её лицу побежали крупные, горькие слёзы, она тяжело и отрывисто дышала.

Табунов подошел к окну и молча смотрел на улицу, он не пытался её подбодрить или успокоить, а углубился в свои размышления, пауза молчания между собеседниками затянулась, его одолевали по большей части философские мысли, он искал ответ на вопрос, который волновал и лично его: в какой именно момент, все валится? Когда счастливая, семейная жизнь, которая построена на любви, взаимопонимании, общности интересов и устремлений, становится совершенно иной? Причины, на которых держится брак, простая привычка и страх изменить что-то в жизни, да если даже, всё взять и изменить, перечеркнуть раз и навсегда, это ничего не изменит и счастья, точно не принесёт, новые отношения, рано или поздно, так же иссякнут, погрузившись в бытовуху и неизбежные конфликты, получается замкнутый круг. Человечество за время своего существования, так много всего постигло, а простые истины открываются тяжело, не всем и не всегда.

Спартак Петрович оглянулся, женщина сидела на диване, разглядывая кабинет мужа в своих мыслях, наверное её раздражал беспорядок, который здесь плотно поселился, но она заметно успокоилась и можно было продолжать беседу, но он решил, что на сегодня достаточно, всё равно ничего конкретного она не знает, так как последние годы они были совершенно чужими, ничем не делились и не откровенничали. Но работу на улице он продолжит, опросит местных жителей, возможно они что-то смогут рассказать о семье Сорокиных важное.

Он распрощался, совершив переход от хаоса к порядку, вновь смущенный чистотой остального дома, вышел за калитку и осмотрелся. Был полдень, рабочий день, улица была пустая, дома спрятаны в тени садов и овеяны тишиной здешних мест, вопреки его ожиданиям на лавочках не скучали пенсионеры, лишь редкие машины, проезжали мимо шелестя гравием. Для себя Табунов определил, что уделит внимание ближайшим соседям, куда-то далеко не имеет смысла заходить, план таков: позади домовладения Сорокиных поле, переходящее в лесополосу, но есть соседние дома справа и слева и конечно напротив, ими он и займётся.

У Спартака Петровича, были подчинённые и он вполне мог отправить скитаться по жаре оперативных сотрудников, ничего сложного в этом нет, привычное дело, но он опасался, что данное мероприятие будет проведено поверхностно, пустые отписки, без малейшего результата, а здесь нужен особый подход: наладить психологический контакт, расположить к себе человека, опыт общения, эрудиция, учтивость. Важные и полезные качества для достижения результатов, он был уверен, что лучше него, опытного со стажем работы более двадцати лет, допросившего и опросившего сотни, а может и тысячи людей кандидатуры не найти.

Соседский дом справа, большой из красного кирпича, с глухим и высоким забором с калиткой и въездными автомобильными воротами, подойдя к которому он разбудил спавшего сторожевого пса, тот тяжело и надрывисто залаял, показывая мощную морду в выгнутом изнутри просвете, что это сотворил именно этот зверь, сомневаться не приходилось. Табунов позвонил в домофон, после нескольких сигналов ему ответил грубы мужской голос, он представился. С ним явно хотели говорить именно таким образом, пришлось настоять на личной беседе и долго ожидать, когда к нему спустятся. Перед следователем предстал человек лет пятидесяти, выражение его лица было недовольным, глаза маленькие, он то и дело отводил взгляд, постоянно трогая небритый подбородок, как не находя место рукам.

– У вас пропал сосед, Сорокин, – начал Табунов и продолжил: – я не займу много времени.

– Я ничего не знаю и вряд ли смогу помочь вам, – растеряно ответил сосед.

– Вы рядом живёте, могли что-то слышать или видеть, важное для расследования.

– Я одно вам скажу! Сорокин был ненормальным, я избегал любой встречи с ним, старался обходить его стороной, – при этих словах глаза его ещё больше сузились.

– А какие конкретно факты вы можете привести?

– Известно какие, вся улица помнит то утро, до этого мы ничего не замечали, а тут всё сразу стало ясно. Было это осенью, как раз, наверное, обострение случилось, раннее утро, день воскресный, хотелось поспать. А этот дурак, как давай молотить в калитку, звонить в домофон, бегать от дома к дому, мы встревожились, я выскочил, другие соседи выскочили, такие же рассеянные и удивлённые. А Сорокин орёт: – «волки», «стая волков приходила, собираемся все, нужно отогнать от посёлка, берите у кого есть ружья, палки и за мной!» Все поверили, хоть и не было такого случая, но дети у всех, домашние животные, встревожились очень, собралось человек двадцать, а может и того больше, Павел впереди, идёт палкой по железному тазу стучит, лупит как ненормальный, кричит что-то, глаза на выкате, а мы за ним, повторяем, кричим, шумим кто чем. Прошли всё поле, овраг миновали, к лесу вышли, до чёртиков перепугали каких-то грибников, вся редкая живность на всегда ушла из этих мест от творящегося безумия. Кто поумней, сразу понял, что-то не здоровое происходит и далеко не пошли, я же старый дурак, бежал, пока силы были, потом сдался и сел на пне, махнув на всё рукой, другие ушли глубже в чащу, несколько человек заблудилось, потом еще долго, уставшие, ободранные, голодные и продрогшие люди возвращались к своим домам.

– Это единственный случай, или еще что-то было странное? – уточнил следователь.

– Ой было, сколько этого безумия было, то ночью всех поднимет, якобы кабель у нас воруют, а мы скидывались, деньги тратили и не хочется без света жить, вот и пробегали опять ночь на пролёт. Потом летающая тарелка на поле села, всех собирал на это дело посмотреть, только ничего не было, только ветер свистел – улетела наверное. А скорая и пожарные, нашу улицу в чёрный список занесли, на настоящие вызовы не приезжали, как услышат Солнечная, так трубки бросали.

– А с ним выясняли отношения, после таких инцидентов?

– А что с него взять? Больной человек, понятно было, не связывались лишней раз. Сколько Марине говорили, что пора к врачам отправить, созрел клиент, а она ни в какую, что-то выжидала, вот и дождалась, себя пусть и винит, в бездействии.

Табунов суть уловил, другие соседи данные факты подтвердили, сомнений не оставалось, что-то происходило с Сорокиным странное, то что выходило за рамки нормального поведения человека, но Марина Александровна, всё это не рассказала, ей явно больше, что есть сказать, но возможно это просто попытка идеализировать свою семью, до последнего сохранять порядочный образ мужа, вопреки общему мнению и суровой действительности.

Спартак Петрович, весь день пробыл на улице Солнечной, он собрал достаточно материалов характеризующих пропавшего, исходя из этого он наметил для себя дальнейший план действий, теперь он сидел в своём рабочем кабинете и проводил совещание с подчинёнными, на контроле были и другие дела, необходимо было поставить задачи подчинённым и заслушать доклады о проведённых мероприятиях. В установленное время шесть сотрудников предстали перед начальником, его заместитель: Тимур Давлетбаев, крепкий мужчина, казах по национальности, сидел справа и мучил экспандер, это было его обычным занятием, спорт он любил и не терял ни минуты, в кабинете были гантели и гиря, был боксёрский мешок, который пришлось снять, после приезда комиссии, так стало в отделе немного тише. Он всегда сохранял хладнокровие, в любой ситуации, участвовал во всех соревнованиях по всевозможным видам спорта, непременно занимал первые места, мечтал перевестись в спецподразделение МВД, но

что-то не получалось, хотя все зачёты он сдал на отлично. Был у него брат Руслан, играющий за сборную по футболу, который играл неплохо, но попадал от случая к случаю в различные неприятности, в том числе мелкие правонарушения. Отца у них не было, воспитывала одна мать, работавшая медсестрой, и Тимур с ранних лет, был мужчиной, всегда и везде, сохранял лучшие мужские качества: справедливость, сила воли, умение сдерживать эмоции, доводить начатое дело до конца. В полиции он был не новичок, имел определённый опыт. Сразу за ним сидел капитан Ефремов Артём, ленивый парень, без инициативный, любил рассуждать не по теме, возмущаться по любому поводу и выпить после работы и в свой выходной. Имел талант попадать в разного рода неприятности, серьёзных задач не получал, так как способен загубить даже самое верное дело, но Табунов его держал, хоть от него открестились другие руководители, он знал, что этот человек будет полезен, он сделает своё дело, сыграет свою роль, когда наступит нужный момент, так как у него есть главное-скрытые амбиции, которые ему непременно нужно реализовать, Спартак знал, что этот парень грезит настоящим поступком или подвигом, который его возвысит и его шанс обязательно выпадет. Дальше расположилась – Елена Орловцева, лишняя человек, вышла с декрета, думает об очередном, с женщинами всё, всегда сложнее, работа для них не в этих стенах, а совершенно в других, где домашний очаг, муж и дети, да и задачи у них более глобальные, произвести на свет новых людей, защищать их как волчица щенков и воспитать в своих лучших представлениях. Глеб Никитин – аккуратист и интеллигент, он вежлив и корректен со всеми: начальством, коллегами, преступниками и даже своей тёщей, с которой живёт так же долго, как и служит в милиции, он основная ценность подразделения, высокое качество отработки документов, усидчивость и старание, он любит учиться и часто в командировках на очередных курсах повышения квалификации, мечтает уйти на преподавательскую работу, юрист он сильный и очень нужный системе. Боря Амбросов – слишком мягкий для работы в органах, но подходит для всякого рода нравов, он впитывает всё как губка, только не держит, набрал информацию и также легко выпустил, не спорит, со всем соглашается, его бросают под проверяющих, он всегда легко психологически с ними сходится, отлично играя роль студента, смотрящего на профессора с готовностью постигать истину и всегда что-то записывая, он мечтает о пенсии, других целей и амбиций у него нет, он просто играет свою роль и рано или поздно, он сыграет свой последний спектакль.

Какие времена, такие и люди, разные, своеобразные, полная противоположность друг друга, но объединённые общим делом, наделённые полномочиями рабы системы. Некоторые любят свою работу, считая это своим призванием, другие тяготятся ею, проживая свои дни в этой отвратительной для них среде и постоянном стрессе. Но и те и другие по своему несчастные люди, всё их существование ограничено заикленностью и узкостью пространства, они не могут расслабиться ни на минуту, даже когда примут дозу алкоголя их разговоры снова и снова ведутся не на отвлечённые темы, а обсуждаются дела насущные, связанные с работой, которая постепенно и незаметно заполнило совершенно всё пространство, не давая человеку свободу в его действиях и мыслях.

Время было позднее, урчало в животе, хотелось есть и спать. Спартак Петрович сидел на рабочем месте, устало провожая уходящий день, такой обычный и похожий на все остальные, в которых не было ничего удивительного, яркого или восхитительного.

– Вот день прошёл, ну и черт с ним! – прошептал он еле слышно, выключил свет и вышел из кабинета.

Домой его не тянуло, не находил он там покоя, в других местах его не ждали. Раньше было проще – он пил, сейчас всё хуже – он завязал. Понял, что летит в пропасть, теряя своё человеческое лицо и перестал. Он давно себя сравнивал с пикирующим бомбардировщиком, у которого уже нет топлива, двигателя глохнут, а посадочной площадки он так и не видит. А если он упадёт, то громко, сметонирует весь боекомплект, всё что он несёт на своих крыльях

и мало никому не покажется, поэтому нужно тянуть и бороться до конца, пока ещё полёт продолжается.

Табунов поднялся по лестнице на третий этаж, открыл дверь ключом и принялся разуваться.

– Ты когда уже прекратишь болтаться по ночам – раздался, знакомый скрипучий голос его супруги, затем вспыхнул свет в коридоре.

Этот вопрос не требовал ответа, обычная претензия, которых множество, где всё что не делается, всё делается не так. Он прошел в ванную комнату, решил принять душ, но за его спиной стояли и старались зацепить.

– Сними себе уже комнату и живи там, не унималась женщина и продолжила, – дай спокойно пожить нам с ребёнком.

На шум выбежала дочка: – мама, ну хватит, что опять начинается? Как встретитесь, вечно ругаетесь.

– Привет доча! Как дела? – дружелюбно произнёс Табунов.

– Всё хорошо, спали уже. Ты не пил?

– Нет, не пил. Работы много, человека ищут, он очень нужен семье.

– Счастливые люди! С ухмылкой произнесла супруга и растворилась в дальней комнате.

Родственники продолжили общение:

– Как дела в институте, замуж ещё не собираешься?

– Как ты часто дома бываешь, скоро внукам удивляться начнешь.

– Всё так серьёзно?

– Нет, пока спи спокойно, я тебя покормлю и спать, тарелку сам помоешь и со стола уберешь.

– Есть, мой генерал!

На кухне воцарилась тишина, встреча закончилась. Всё не так уж и плохо, пара упрёков и относительное спокойствие, – думал Табунов доедая поздний ужин. Оказывается, можно быть абсолютно одиноким и среди людей, просто взять и стать неким изгоем, который становится обузой, раздражающим фактором для всех и что остаётся человеку, получая изо дня в день порцию негатива и скандала? Терпеть? Ждать, что рано или поздно всё наладится? Или бежать? На этой мысли Табунов замер, он вдруг вспомнил Сорокина, если это так, то возможно он понимает его мотивы, не простая, записка, очень разумная, нет и намёка на безумство. Просто человек взял и сбросил с себя весь эмоциональный груз и исчез. Для всех он пропал, а сам себя нашел, вышел за ограничительные рамки так опостылевшей жизни и вздохнул полной грудью человека без обязательств.

Утром Спартак Петрович направился в психиатрическую больницу, нужен был совет специалиста в этой области. Как раз у него и был один из таких докторов – на примете, достаточно опытный, пожилой мужчина. Место тяготило своей атмосферой, хоть и по долгу службы, выработалась определённая привычка не быть восприимчивым. Бывать приходилась на местах происшествия, морге, притонах и больницах, но очередной порции негатива пускать в душу не хотелось.

Пройдя через пропускной пункт, он оказался на обширной территории, состоящей из нескольких лечебных корпусов с решетками на окнах, за которыми находились люди, запертые, словно звери. Из открытых форточек привлекали его внимание, выпрашивая закурить, лица худые, обтянутые кожей с обезумившим, пустым взглядом и невнятной речью, подсознательно Спартак Петрович прибавил шаг, стараясь не обращать внимание, он не знал как правильно себя вести с душевнобольными, как противостоять возможной агрессии с их стороны или излишней настойчивости, поэтому предпочитал просто не обращать внимания, заходя всё глубже и глубже на их территорию.

Губарев был в своём кабинете, копался в бумажках, вид у него был сосредоточенно-спокойный, он взглянул на Табунова, поверх одетых очков и без лишних эмоций протянул руку.

– Присаживайся Спартак, – предложил доктор, указывая на стул.

Следователь устроился на твёрдой конструкции, прикрученной к полу, озабоченный мыслью, что его сейчас выведут на чистую воду, с его жизнью он вполне возможно годится в пациенты данного учреждения и принялся рассматривать обстановку. В узкое, высокое окно с почему-то пологим подоконником заглядывал дневной свет, он доходил до середины комнаты и обрывался, в большом и просторном помещении, выкрашенном в светлые тона и высокими побеленными потолками стояло в хаотичном порядке несколько письменных столов, но занят был один, остальные нагруженные папками и бумагами были похожи на немых носильщиков, в центре расположился открытый, книжный шкаф с медицинской литературой и различными справочниками. Ничего лишнего и личного, всё казённое и всё так как и было пять, а может десять лет назад, в таких местах время безнадёжно застыло, лишив любых привилегий и уюта. Всё время его размышлений за ним внимательно следил доктор, давая возможность освоиться, мужчина, седая борода старила его, но ему нет и пятидесяти лет, с внимательным, изучающим взглядом и густыми бровями, его образ напоминал мудрого филина, достаточно знающего и много повидавшего, он отложил бумаги в сторону, давая понять, что готов к разговору и Спартак Петрович, начал из далека:

– Я тут впервые, в ваших владениях, но полагаю, что перемены обходят вас стороной.

– Что вы имеете в виду? – заинтересовался доктор.

– Как-то всё застыло в прошлом веке, никаких благ цивилизации, телевизора к примеру, компьютера или оргтехники, бумага, ручка и много писанины, как тут сильны традиции прошлого, – высказал мнение Табунов.

– Мы, имеем то, что имеем. Надоедливый ветра стук. Избегать мы совсем не умеем: всех несчастий, потерь и разлук... – философски ответил Губарев, не пытаясь что-то объяснить или оправдать этими стихотворными строками.

– У нас так же было, лет двадцать пять назад, прям один в один, только печатные машинки ужасно постукивали в разных углах, а сейчас времена изменились, технический прогресс, бесшумные принтеры, заготовленные бланки, мягкое касание по клавиатуре и горячий документ готов, бывает он остыть не успеваешь, когда ложится на подпись к руководству, – похвастался следователь.

– У нас всё иначе как видите и никаких заготовок, медицина не терпит шаблонности, она требует индивидуального подхода, изучения, наблюдения, чёткой фиксации всех изменений в поведении пациента и конечно лечения, да и место тут особенное, мы имеем дело с душевнобольными и день наш проходит по большей части с ними и задача у нас подобрать нужный ключик к любому человеку и с любым диагнозом, а не изготовить, как вы выразились: «горячий документ» для начальства, – парировал насмешку Губарев.

– В этом наша деятельность схожа: я и вы возвращаем людей к нормальной жизни, в их семью и социальные связи, вы путём лечения, а я путём устранения причин и условий приведшей к пропаже человека и независящих от него. И в этой связи у меня есть несколько вопросов к вам, как к специалисту, – приступил к главной цели своего визита Табунов.

– С удовольствием помогу вам Спартак Петрович! – ответил доктор.

– Вот записка, её нашли у пропавшего, пожалуйста прочтите и попытайтесь уловить его настроение и в целом будет интересно ваше мнение, – произнося эти слова Табунов достал из папки копию письма Сорокина и протянул доктору.

Губарев прочитал письмо и поднял взгляд на следователя, опять принялся за прочтение, взял увеличительное стекло и долго рассматривал что-то через него, несколько раз пробежался по тексту и вернул назад.

– Ничего особенного в нём нет, такое, что говорило бы о психическом расстройстве или стрессе, всё последовательно и логично, не текст душевнобольного, тут нет нездоровой фантазии, мании или каких-то отклонений, единственное, что я здесь вижу – это разочарование, которое мы все испытываем в жизни, когда наши идеалы рушатся, я бы назвал это возрастным кризисом, когда идёт переоценка ценностей личностью и поверьте, наши пациенты на это не способны, – сделал вывод доктор.

– Получается, что человек написал данную записку, не преследуя никакой цели?

– Да, диалог с самим собой по душам и ничего больше. Нет демонстративно шантажных действий, угроз, нагнетаний или галлюцинаций. Если, я приведу сюда пациента нашей больницы и дам возможность письменно высказаться, он вам такое выдаст, что вы не соберёте всё воедино как бы не пытались, будет сплошная мешанина, никакой структуры, ни начала ни конца, ни смысла. В представленном же мне экземпляре, всё есть, связано и лаконично, нет источника опасений за себя, нет выдуманного персонажа, который несёт угрозу для него и которого он опасается, а есть философские размышления, даже с некоторой мудростью в словах.

– А если я вам скажу, что странности в поведении у него были, он закрылся от окружающих, перестал общаться, что-то обсуждать, делиться, а просто прятался в кабинете и там проводил дни на пролёт.

– Наступают такие моменты в жизни, когда человек стремится к одиночеству, это его попытка разобраться в себе, поводом может быть, всё что угодно, новое увлечение к примеру, попытка найти себя в новой деятельности или изжившие себя отношения, это свойственно людям копаться в себе, открывать в себе что-то новое, находить ответы на вопросы бытия.

– А теперь главный козырь: он теребил соседей, своими видениями, то ему стая волков причудится, которую нужно непременно отогнать от домов, то кто-то якобы кабель срезает по ночам, то другие странности, связанные с летающими тарелками.

– Знаете, что здесь основное? То, что ему верили! Он последовательно всем внушал, что это в действительности было, а страдающего душевным недугом сразу видно и это явное помешательство не скрыть. Он же добивался, чтобы за ним шли и это попытка симуляции болезни, а не болезнь, как таковая, просто он задался целью, чтобы все считали его таковым. А вот с какой целью он это делал? Вопрос скорее к вам! Причин может быть множество, но они реальные, не выдуманные, вот здесь и кроется основная тайна этого дела, но я полагаю, что всё же с кем-то пропавший отношения поддерживает, так устроен человек, испытывая особую, тонкую, душевную связь с этим особым и важным в его жизни другом. Это может быть кто угодно, тот с кем сложилось взаимопонимание и с кем он мог быть откровенным и открытым: родная мать, свой ребёнок, близкая женщина или мужчина и в этом деле, обязательно есть кто-то неизвестный, который знает всё, осталось только его найти и это и есть тот самый ключ к вашей разгадке.

Табунов ещё посидел с Губаревым, пили чай и к делу уже не возвращались, обсуждая совершенно другие вопросы, не связанные с деятельностью ни одного ни второго. Наверное, это и была психологическая разгрузка людей, увлечённых своей работой, возможность отвлечься в свободной беседе.

Всё лежит на поверхности, – думал Табунов, как бы не старался скрыть человек, что-то его да выдаст. Нужно проверять дальше контакты, кому он чаще звонил, с кем встречался, где бывал. Семья отпадает напрочь, родителей в живых нет, с женой и сыном он проживал номинально. Нужно в плотную заняться коллегами, переговорить с теми, кто его окружал в деловых поездках и с кем сложилось более или менее личное общение. Вдруг Спартак Петрович, остановился и прервал свои размышления: – Губарев ведь не совсем прав, или не прав совершенно, ведь если на всё посмотреть через личный пример, то близкого человека, с кем у него самого, у Табунова сложились особые отношения, то его попросту нет, не существует и

никогда не было, а всё простая и жалкая попытка не чувствовать себя совершенно одиноким, общаться с коллегами по работе или обсуждать что-то по приятельски с знакомыми, не пуская далеко в душу и не рассказывая самое сокровенное, всё в границах, всё на дистанции и в определённых рамках, но как версия подходит и её нужно отработать.

Глава 2

Деревья покорялись ветру, сгибаясь от его мощных порывов. Они от части сбросили листву, остальное дорвёт он, оставив исхудалые, невзрачные ветки на мощном стволе. Тяжелые, чёрные тучи давлели над городом, веяло печалью, упали первые капли дождя, а в след за ними, слившись в сплошной, шелестящий звук на землю обрушились остальные.

В домах на окраине затопились печки, газ сюда не пришёл, дружно повалил дымок из труб, зажегся свет, на улице запахло гарью и сыростью, стало неудобно и темно, люди устремились к теплу, город быстро опустел, заметно похолодало.

В углу небольшой комнаты, свернувшись клубком, спал пес, он прятал нос в своих задних лапах, хвост поджат, дыхание глубокое и частое. Собака обычная, без определенной породы, окрас черный, только на груди выделялось крупное белое пятно, кабель тревожно вздрагивал от звуков стихии за окном. В небольшом помещении, которое служило жильём, свет не горел, углы скрывала тьма, постепенно наполняя все пространство, но ещё можно было различить скромное убранство: старый, платяной шкаф, стол, несколько стульев, кровать полуторка, помещение плохо отапливалось. Остатки дневного света заглядывали в единственное окно без занавесок и жил здесь человек, на столько одинокий, на сколько возможно себе это представить, он был высокого роста, широкий в плечах, лицо морщинистое, с тяжелым взглядом глубоко посаженных карих глаз, крупным перебитым носом, острым подбородком и тонкими губами, заметно сутулился, округляя спину, под его тяжелыми шагами поскрипывали полы, одевшись и накинув плащ, мужчина открыл дверь, в просвет рванула собака, щелкнул замок и помещение опустело.

Путь лежал на погост, где работал мужчина, охраняя покой совершенно покойных людей. Он брёл знакомым маршрутом: прошел два квартала вверх по улице старательно обходя крупные лужи, свернул на небольшую площадь, непривычно пустынную и безлюдную, миновал рынок с одинокими торговыми рядами, прошел мимо светящихся окон городской больницы и уперся в бетонный забор, дойдя до калитки пересек границу, между миром мёртвых и живых.

В сторожке было жарко натоплено, стоял стойкий запах спиртного, сменщик, сухой, дряхлый старик по имени Степан, успел изрядно выпить и долго фокусируя взгляд произнес:

– Погода дрянь, – заплетающимся языком промямлил он – и продолжил: никто не жаловался, все спят, живые не шляются, начальство не наведывалось.

– Я смотрю, ты тоже торопишься на вечный покой? С весны трезвым не вижу.

– Я жизнь прожил и побывал уж в переделках поверь! Расхорохорился Степан, – поэтому придет время, лягу и есть кому проводить и поплакать, а тебя твой пес сожрёт, сначала пару дней потоскует, а потом за милую душу слопает. После этой шутки он громко рассмеялся, оголяя редкие зубы и вытирая выступившие слезы тонкими, грязными пальцами.

– Иди уже, подарок судьбы! Тебя ждёт дома сковородка, которой и проломают твой лысый череп, – огрызнулся мужчина.

– Станный ты Григорий, – подытожил Степан: – одинокий, злой, ну как собака ей богу, – ладно, пойду, сиди тут не скучай и про печку не забывай, а то после тебя как в склепе.

Старик постоял на крыльце, долго не решаясь выйти под дождь, повздыхал, осмотрелся и устремился в мир живых, останавливаясь на мгновение отхлебнуть из бутылки, судя по походке, путь ему предстоял не простой, извилистый и долгий. . .

Кладбище было крупным, хоронили на нём усопших уже больше века, на нём вся история событий в стране: эпидемии, войны, катастрофы и просто естественный процесс. У каждого своя судьба, своя прожитая жизнь с достижениями или отсутствием таковых, наполненной смыслом и яркими мгновениями или пустая и бессмысленная, всё это большая разница, только конец один и отличие лишь в цифрах, дата начала и окончания пути. . .

Григорий вышел на обход, так требовала инструкция, по установленному маршруту от старых захоронений к новым участкам, дело привычное, хоть и не из приятных, бродить в одиночестве вдоль могильных плит, вглядываясь в темноту и слушая тишину, вздрагивая от шорохов. Неожиданностей быть не должно, дождь не прекращается, достаточно зябко и совсем поздно. Вот и первая линия, совсем старые могилы, часть заброшенные и не ухоженные, датированы 1835 годом и позже, все обитатели давно знакомые, памятники привычные, имена прочитаны и заучены, их можно читать не глядя, лишь только выхватив взглядом силуэт холодного гранита. Из-за дождя и ветра это тихое место наполнилось звуками, то и дело заставляя фигуру человека замереть, оглядываться назад и по сторонам, пытаясь сохранить самообладание и хладнокровие, собака не реагировала и это успокаивало, хотя и бывали случаи, что «Пират», напряженно вглядываясь в пустоту лаял, он явно что-то видел, что не доступно человеческому зрению. Сейчас же он лениво брёл в след за хозяином, местами стряхивая с себя воду. Из-за плотной посадки деревьев, погост больше напоминал лес, с той лишь разницей, что тут не водились дикие звери, забор был надежным, ворота и калитки плотно закрыты, что внушало уверенность, что других живых душ тут быть не может. Пройдя до конца линии, тропа поворачивала, можно пройти и вдоль могил, но не в такую погоду, грязи и так достаточно, хоть основные дорожки и посыпаны гравием, но идти по нему не хотелось, звук раздражал, шаркающий, а намокший еще и противно чавкающий, громкий, не совсем уместный. Главное здесь тишина и покой и это правило всегда выполняется.

Путь лежал дальше по тыльной части, именно тут покоился особенный человек, традиция велела, ему откланяться и доложить, что все спокойно и ничего не произошло. На этой могиле всегда много людей, одна из самых посещаемых и почитаемых, последнее пристанище святого человека, старца Ивана Спиридоновича Митрофанова, годы жизни 1840-1918. Легенда гласила, что много светлого и хорошего он сделал для людей, вел праведный, духовный образ жизни и примером своим, своими словами и молитвами наставлял остальных, помогал при болезнях, где доктора были бессильны, всегда приходил на помощь он. Одно из свидетельств гласило: тяжело заболел человек, безнадежно, с каждым днём жизненная энергия иссякала, лекарства не помогали, лежал он и не вставал уже, а только молился, подготавливаясь к своему главному, последнему путешествию в жизни. Увидел старец сон, что страдает человек от боли и безнадежности, что нужен он ему и пробудившись в тот же день отправился в путь, шёл пешком, точно зная куда и зачем идёт и утром третьего дня, постучал в ту самую дверь. Пустили его родственники, наслышаны были об этом человеке, вселил он в них надежду, сказал: – молиться будем мы с больным всю ночь, останемся только вдвоём, а на остальное воля божья, отмолим – будет жить и уйдет хворь, а нет, на утро призовет его господь. Так и поступили, говорили они с Иваном, об ошибках жизненных и грехах, был человек честен с ним и открыт, ночь молились, а с рассветом старец ушёл, очень удивились близкие больного, что утро он встречал на крыльце, хоть и не вставал с кровати последнее время, а лицо больше не выражало боль и страдания, он улыбался прекрасному утру своего выздоровления.

Вот и Григорий подошёл к этому камню, поклонился как заведено и сказал: – Иван Спиридонович, моё почтение! Всё спокойно у нас, к южной окраине иду, новые захоронения были за минувший день, все пожилые, в свой срок. И вновь поклонившись направился дальше и при очередных обходах он вновь подойдет к этой могиле и снова скажет эти слова, слова почитания, уважения и особого отношения, так как верит, что именно он и есть хранитель погоста. Дальше у церкви, всё священнослужители покоятся, ещё одна обязанность, зайти в церковь, открыть её и проверить чтобы свечки не горели, иконы на местах, многие из них достаточно редкие и могут заинтересовать определённых людей. Смотритель перекрестился, открыл навесной замок и вошел, осветил фонариком алтарь, пересчитал образы святых, все были на своих законных местах, абсолютная тишина и темнота, лишь слышны удары редких капель дождя по металлу снаружи, ничего подозрительного, все как и положено – спокойно, закрыв плотно

входную дверь, вновь перекрестился и поклонился. Григорий был старый служака, армия приучила его к порядку, к своим обязанностям он относился добросовестно, другие отбывали номер, напившись для смелости или от скуки, спали в сторожке, позабыв о ночных обходах и не видя в них особого смысла, что и влекло всякого рода хищения с погоста, конечно покойников не воровали, но пропажи икон, церковной утвари случались, не редки были и исчезновения металлических оград и вандализм, но эти происшествия не меняли образа жизни ночных сторожей, одному за такой территорией не усмотреть, даже пытаться не стоит и это сильный аргумент, для ленивых работников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.